

ЛЕКЦИЯ «ЗЕМЛЕВОЛЬЦА» С. С. РЫМАРЕНКО О РОМАНЕ «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Предисловие и публикация Р. А. Таубина

Публикуемая лекция Сергея Степановича Рымаренко¹ (около 1839—1869) «По поводу новой повести И. С. Тургенева „Отцы и дети“» представляет значительный интерес для исследователей. В ней весьма отчетливо отразилось отношение к Тургеневу и особенно к роману «Отцы и дети» целого поколения революционной молодежи начала 60-х годов, воспитавшегося на идеях Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Она позволяет вскрыть корни идейно-теоретических разногласий, наметившихся в период революционной ситуации 1859—1861 гг. между Тургеневым и наиболее последовательными деятелями революционно-демократического лагеря в России. При всей высокой оценке Тургенева как талантливого и чуткого к явлениям современности художника они не всегда могли принять то истолкование характера общественного развития страны, которое отражалось в произведениях Тургенева. Лекция Рымаренко помогает объективно установить, каково было подлинное отношение непосредственных участников революционного движения второй половины 50-х — начала 60-х годов к Тургеневу как к писателю, к его идейным позициям, к положительным героям его произведений, к общественному значению его литературной деятельности. Этот документ необходимо учитывать при выяснении вопроса о том, почему видные деятели революционного движения указанного периода не принимали тургеневской характеристики мировоззрения революционеров 60-х годов как «нигилизма».

Детство и юность Рымаренко прошли в Харькове. В 1855 г. он стал членом Харьковского тайного общества, к которому принадлежали также Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, В. О. Португалов, В. В. Ивков и др. Вместе со своими друзьями Рымаренко воспитывался на идеях Шевченко и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Здесь он приобретал первый опыт революционной работы, здесь формировалось его сознание революционера-демократа.

В апреле 1858 г. Рымаренко, вместе со 137 другими студентами Харьковского университета, подписал коллективное заявление, в котором они в знак протеста против самоуправства властей требовали уволить их из университета. Вслед за тем Рымаренко принял решение покинуть Харьков и переехать в Петербург — для продолжения образования и для участия в освободительном движении².

В Петербурге Рымаренко, поступивший в Медико-хирургическую академию, включился в активную деятельность, направленную на подготовку народной революции в России. Здесь с августа 1858 г. и до 30 мая 1862 г., когда он был арестован, развернулись его недюжинные дарования организатора, вожака революционной молодежи, талантливого пропагандиста, умелого конспиратора, одного из виднейших участников и руководителей тайного революционного общества начала 60-х годов — «Земля и Воля». Особенно большого напряжения деятельность Рымаренко достигла, в 1860—1862 гг., в годы подъема массового крестьянского движения по всей стране крупных студенческих выступлений против самодержавия в Петербурге, Москве, Казани.

Вместе с братьями А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым и профессором П. В. Павловым Рымаренко принял деятельное участие в создании в 1859—1862 гг. «воскресных школ» в Петербурге. Непосредственно руководимые им Самсоньевская и Введенская школы оказались главными центрами распространения революционной пропаганды среди рабочих и солдат в Петербурге. Он участвовал в организации народной библиотеки в здании Самсоньевской воскресной школы, готовил с группой своих товарищей (И. И. Аверкиевым, Ю. Р. Посниковым и др.) издание журнала для народа, под видом общества распространения грамотности активно работал над созданием общества для политического просвещения народа. С целью подготовки вожаков, способных руководить предстоящей революцией, он организовывал в 1858—1862 гг. несколько литературно-политических кружков из студентов Медико-хирургической академии.

На видное положение Рымаренко в «Земле и Воле» указал Л. Ф. Пантелеев, рассказавший в своих воспоминаниях о том, что в члены этой организации его принимали в начале 1862 г. А. А. Слепцов и Рымаренко, что именно Рымаренко дал ему и Н. И. Утину «...несколько практических указаний насчет формирования конспиративных кружков», что Рымаренко «пользуется между студентами-медиками большою популярностью и много между ними работает»³. М. Н. Слепцова ссылаясь на свидетельство А. А. Слепцова, утверждала, что Рымаренко связывала с Чернышевским личная дружба⁴.

Следовательно, в петербургский период своей жизни и деятельности Рымаренко закалился как революционер и мыслитель, вошел в первые ряды деятелей, под руководством Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова направлявших общерусское освободительное движение. В. И. Ленин, говоря в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» о наступлении в 1862 г. реакции, в числе других фактов указал на «многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.)»⁵. Из этого ясно, что Ленин, очевидно знавший о революционной деятельности Рымаренко, считал его видной фигурой революционно-демократического лагеря в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

Непосредственным поводом к аресту Рымаренко в мае 1862 г. явилось обвинение его в заказе оборудования для типографии, а также в составлении и распространении прокламации «Чего мы хотим?». В ходе следствия, на основании показаний ряда лиц, арестованных одновременно с ним (студентов Медико-хирургической академии Гюбнера, Мультаповского, Ляпустина, Краковецкого, содержателя типографии купца И. Маркова и др.), были выявлены и другие направления революционной и пропагандистской деятельности Рымаренко. В частности, выяснилось, что он организовывал в Медико-хирургической академии несколько нелегальных студенческих кружков, связанных между собою и поддерживающих связь с университетскими кружками (кружок Н. И. Утина) и с кружками в Артиллерийской академии (кружок П. Л. Лаврова).

На допросах в следственной комиссии и на судебных заседаниях Особого присутствия Правительствующего сената Рымаренко держался с достоинством, проявив в большинстве случаев находчивость и осторожность, характерные для ученика и друга Чернышевского.

Арест и двухлетнее заключение в крепости подорвали здоровье Рымаренко. Высланный по приговору суда в 1865 г. под надзор полиции в Астрахань, он умер там в 1869 г., едва достигнув тридцатилетнего возраста.

В качестве одного из наиболее удобных средств для воспитания молодежи в революционном духе в кружках того времени практиковались литературные чтения и обсуждения самых значительных произведений современной литературы. Эту форму работы успешно использовал и Рымаренко в своей пропагандистской деятельности в Медико-хирургической академии. Среди бумаг, захваченных при обыске и аресте Рымаренко, оказался и рукописный текст его лекции о романе «Отцы и дети», подготовленный для чтения на втором занятии одного из руководимых им кружков в марте

1862 г. Извлеченная нами из следственного дела Рымаренко рукопись его лекции представляет собою черновой автограф, не предназначавшийся для печати. Но он содержит полный текст лекции, разработанной Рымаренко сразу после опубликования романа в «Русском вестнике» (1862, № 2, ценз. разр. 28 февраля), очевидно, в начале марта.

Посвященная характеристике Тургенева как писателя и анализу его романа, лекция Рымаренко имела в виду главную цель — определить с революционно-демократических позиций сущность «нового человека», подлинного революционера-шестидесятника. Недаром один из членов следственной комиссии, С. Р. Жданов, придавал этому документу особое значение и в специальной записке требовал тщательно допросить автора лекции о ее целях, содержании и истинном назначении. Он находил, что эта лекция «выражает положительные убеждения г. Рымаренко <...> В этой брошюре все его прошлое и настоящее»⁶. Важно подчеркнуть, что в своем разборе «Отцов и детей» Рымаренко был вполне самостоятелен — известная статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени», во многом совпадающая с лекцией Рымаренко, появилась несколько позднее: она была напечатана в третьей книжке «Современника» за 1862 г. (ценз. разр. 20 марта и 6 апреля; вышла в свет 13 апреля). То обстоятельство, что лекция Рымаренко во многом совпала со статьей Антоновича, объясняется тем, что в обоих этих документах нашел свое выражение общий взгляд на роман Тургенева в целом и на его героя Базарова, который сложился в редакции «Современника» и среди революционно-демократической молодежи, объединившейся вокруг журнала.

В полном соответствии с традициями революционно-демократической критики Рымаренко в своей лекции отказывается от рассмотрения новой повести Тургенева «с точки зрения эстетической критики» и противопоставляет ей другую точку зрения — «исторической и современной правды». В общей оценке Тургенева как «художника современного общества», который «умеет подхватывать налету внутренние движения современной общественной жизни и раскрывать их смысл», Рымаренко следует за Добролюбовым, видевшим секрет успеха произведений Тургенева в их современности, в необычайной чуткости писателя к животрепещущим вопросам общественного развития России.

Для подтверждения такого понимания предшествующего творчества Тургенева Рымаренко указывает на два его романа — «Рудин» и «Накануне». В первом из них Тургенев явился, по его мнению, «художником-историком», обрисовавшим «интереснейший момент нашей общественной жизни, именно — жизнь московских кружков 40-х годов». Характерно, что при этом Рымаренко не упоминает о той полемике вокруг романа, которая разгорелась в период назревания в России революционной ситуации 1859—1861 гг.^{*}, хотя эта полемика, нашедшая отражение на страницах «Современника», не могла быть ему неизвестной. Но ему важно было подчеркнуть прежде всего, что в этом романе Тургенев показал историческую почву, породившую «фалангу сильных деятелей, имена которых войдут в историю». Правда, он указывает тут же, что эта почва «подавила не столь сильные натуры и выродила их в Рудиных», — но эта проблема, проблема «лишних людей», в данном контексте не интересовала автора лекции.

Обращаясь к роману «Накануне», Рымаренко определяет главное его значение, которое заключается в том, что «Тургенев понял зарождающуюся идею действий в нашей молодежи и дал легкий абрис деятеля». Считая, что Тургенев поступил «в высшей степени добросовестно, заставив своего дельного героя только проживать в России, а силы свои прилагать вне ее», Рымаренко прямо и открыто высказывает по поводу Инсарова мысли, сходные с теми, которые Добролюбов в статье о «Накануне» вынужден был излагать с помощью намеков и иносказаний. «Инсаров — это эмиграция русской силы. Болгаром его можно и не считать: он болгар оттого, что в России за такую деятельность его давно бы посадили в Алексеевский рavelин».

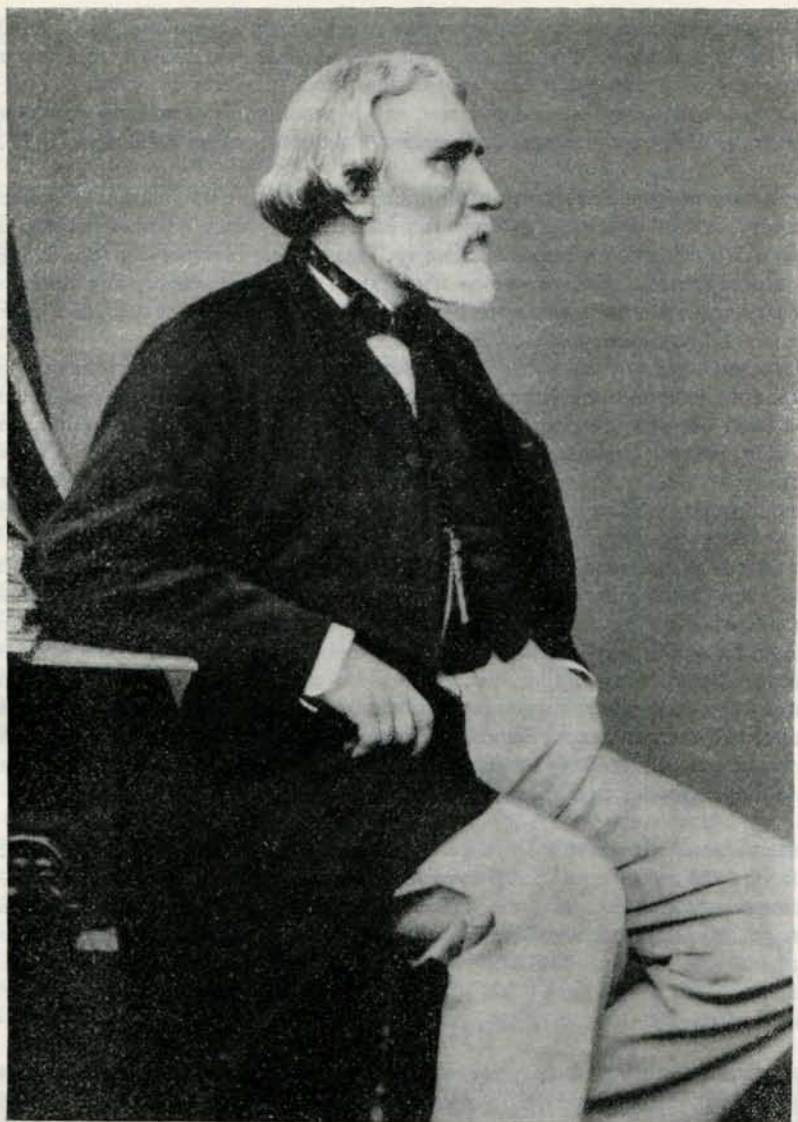
^{*} Анализ этой полемики дан в настоящем томе в статье М. О. Габель «Творческая история „Рудина“». — *Ред.*

Название нового романа Тургенева — «Отцы и дети» — дает автору лекции повод высказать свое понимание общественной и политической сущности конфликта между «отцами и детьми» в современных условиях. Эту сущность Рымаренко видел в стремлении большинства «отцов» помешать «детям» вырабатывать передовые убеждения, строить свою жизнь в соответствии с этими убеждениями и принимать участие в борьбе за народное счастье.

Горячность, с которой Рымаренко говорит об этом предмете, не была случайной: острые столкновения с «отцами» пережили многие из его товарищей по Харьковскому университету (Е. Ильенко, В. О. Португалов и др.); в семье самого Рымаренко произошел резкий раскол, в результате которого на одной стороне оказался отец Степан Алексеевич, а на другой — его дети Сергей и Елена, жена Елена Францевна и муж дочери Н. П. Баллин⁷. Отчетливое представление о конфликте в семье Рымаренко дают письма его отца. 11 декабря 1861 г. С. А. Рымаренко писал сыну Сергею, жалуясь и негодуя на равнодушие к нему со стороны детей: «Бог с вами, дети! видно век таков: отцы — тряпки, глупы, дети — гении, а потому в злосчастной стране и идет все шиворот-навыворот...»⁸ Те же жалобы звучат и в письме от 12 января 1862 г.: «Плохо, брат Сергей, плохо! Кстати, теперь уж и побранить тебя не грех: время на сочинение народных каких-то азбук у тебя есть, а для того, чтобы добиться толку в Академии о том, когда именно прием, — так и времени нет. По нашему глупому старому разуму, прежде следовало бы похлопотать о родном, а потом уж о преобразовании человечества. А по-вашему выходит шиворот-навыворот. Досадно это; да что делать: еще не родился тот мудрец, который мог бы убедить молодое поколение в том, что оно... Ну! да бог с вами!»⁹

Противоречия и разногласия в семье Рымаренко были типичны для многих сотен и тысяч семей в России конца 50-х — начала 60-х годов. Письма С. А. Рымаренко к сыну, как и многие факты из жизни ближайших друзей Рымаренко, убедительно доказывают, что конфликт «отцов» и «детей» был известен автору лекции не только понаслышке или из литературы, но и из опыта его собственной жизни. Характерно, что он дает в лекции исторический анализ этого конфликта, прослеживая, как с изменением общественных условий менялся и характер отношений между старшим и младшим поколениями: «Несколько лет тому назад отцы сильно задевали нас, сыновей, они нападали на наше начинавшееся развитие, противоположное по характеру, чем их развитие. Но тогда все столкновения носили более мирный, теоретический характер. Мы были тогда страстно поглощены работою своего развития, и потому в наших стычках с отцами была заметна та же страстность, что отцам нашим было еще сносно: они утешали себя уמוzakлючениями вроде: „Перемелется — мука будет“, „Молодо — зелено“; а для охлаждения молодых порывов говорили: „Обуха плетью не перешибешь“. Но в наше время характер этих отношений изменился: меньше страстности с нашей стороны и больше отчаянного ожесточения с другой. Отражения этого «отчаянного ожесточения» он не обнаружил в романе, что и дало ему повод к ироническому замечанию: «Тут три отца, и ни один из них не напоминает нам те сотни, которые мы видели. Один только походит несколько, но и тот не настоящий отец, а дядя». Рымаренко считает роман в этом плане лишенным «современной правды», не типичным и противопоставляет картине, изображенной Тургеневым, исполненную драматизма тяжелую борьбу «сильных людей из нашей молодежи» за свое «человеческое достоинство» против «отчего деспотизма».

Переходя к рассмотрению образа Базарова, Рымаренко говорит о больших трудностях, которые встают перед писателем, задумавшим вывести в своем романе типическую фигуру «молодого порядочного человека», и даже о невозможности создания при настоящих условиях такого типа: «Мы вообще думаем, что современного молодого человека нельзя выбирать еще в герои романа: глубокий анализ его действий подлечит больше ведению III Отделения, нежели художника современного общества». Отсюда для писателя вытекают две возможности — говорить о герое современной жизни «обиняками» (если бы к этому времени уже был опубликован роман «Что делать?», Рымаренко мог бы сослаться здесь на его героев), или пойти по пути искажения правды жизни. С этой точки зрения он и выносит приговор роману, в котором

ТУРГЕНЕВ

Фотография Ваккеза и Радиге. Баден, 1864

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Тургенев, по его мнению, «представил нам несуществующий ныне тип или, если он и существует, то не как тип, но как отдельная личность, ни в каком случае не типичная, тем более не передовая». При этом главную причину отхода Тургенева от «исторической и современной правды» в создании Базарова Рымаренко видит во враждебном отношении к материализму со стороны писателя, который сам был воспитан «в противоположных началах идеализма», а также в том, что, живя за границей, он не имел возможности наблюдать современную действительность и «составил» тип Базарова «по воспоминаниям», сохранившимся от прежних лет.

Анализ Базарова и присущих этому образу противоречий приводит автора лекции к совершенно категорическому выводу: «...главное лицо повести — призрак или миф. Я отрицаю типичность его и современную правду». Однако этот тезис безус-

ловного отрицания типичности Базарова не выдержан у Рымаренко до конца. В другом месте своей лекции он признает за Базаровым известную долю исторической правды, связывая его материализм, его «отрицание мира искусств и поэзии», его «близорукий взгляд на природу человека» с тем, что переживали поодиночке «лучшие люди» в России после 1849 г. и что они «пережили всею массою» «в период от 1855 до 1857 года».

В этом признании Базарова «отошедшим типом», отразившим предшествующий этап общественного развития, но уже не соответствующим умонастроению лучшей части русской молодежи в начале 60-х годов, можно видеть зародыш того более объективного и исторически обоснованного понимания Базарова, которое с большей полнотой и последовательностью выразилось в значительно более поздних высказываниях о романе Тургенева передовой русской критики¹⁰.

Но в целом лекция Рымаренко об «Отцах и детях» отражает воззрения русских революционных демократов, складывавшиеся в период созревания революционной ситуации 1859—1862 гг., когда они жили страстной верой в то, что демократическая революция в России близка и неизбежна. Одушевленные этой верой, они требовали и от литературы выражения своих идей и стремлений. Те же произведения, которые не отвечали таким требованиям, вызывали у русских «революционеров 61 года» безоговорочное осуждение и отрицание.

Поэтому было бы неправомерным и неисторичным ставить вопрос, прав или неправ был Рымаренко в своей оценке романа Тургенева. Эта оценка не совпадает, конечно, с тем объективно-историческим отношением к «Отцам и детям», которое сложилось (хотя и не без острых споров и грубых порой заблуждений) в работах советских исследователей творчества Тургенева. Но тем не менее лекция Рымаренко является документом первостепенного значения, так какова обогащает наше представление о литературных и общественных взглядах революционной демократии начала 60-х годов и о характере той острой, изобилующей драматическими моментами борьбы, которая была вызвана появлением «Отцов и детей».

Лекция Рымаренко публикуется по черновому автографу. ЦГАОР, ф. 112-И, ОППС, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии о студентах Медико-хирургической академии Рымаренке, Гюбнере, Мультановском, Ляпунине, Краковецком и о содержателе типографии купце Маркове», т. III, лл. 70—83.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Краткая характеристика революционной деятельности и мировоззрения С. С. Рымаренко дана в статье: Р. А. Тау б и н. Революционер-демократ С. С. Рымаренко. — «История СССР», 1959, № 1.

² Таким же образом поступила и большая часть его товарищей по выступлению. Некоторые из них уехали в Москву, другие — в Петербург; руководящие члены тайного общества (Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, В. О. Португалов и др.) — в Киев.

³ Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания. М.—Л., Гослитиздат, 1958, стр. 291—295.

⁴ М. Н. С л е п ц о в а. Штурманы будущей бури. — «Звенья», II. М.—Л., 1933, стр. 447.

⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

⁶ ЦГАОР, ф. 112-И, ОППС, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. III, л. 113.

⁷ Н. П. и Е. С. Баллины поддерживали тесные связи с рядом деятелей революционного движения на Украине (Я. Н. Бекманом, В. О. Португаловым и др.). В 1860 г. Н. П. Баллин, служивший по судебному ведомству, воспользовавшись советом Рымаренко, вышел в отставку и открыл в Харькове книжный магазин с целью издания и распространения дешевых и полезных книг для народа. Он стал комиссонером Н. А. Серно-Соловьевича, который посылал ему литературу и помогал советами. Харьковский дом Баллиных превратился в своеобразную коммуну, в которой горячо обсуждались злободневные вопросы внутренней и внешней политики России, художественной литературы и общественного движения.

⁸ ЦГАОР, ф. 112-И, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. I, л. 47а.

⁹ Там же, лл. 61—62.

¹⁰ Например, в статье Н. В. Шелгунова «Люди сороковых и шестидесятых годов». — «Дело», 1869, № 12.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Об новой повести Тургенева «Отцы и дети» так много говорят в обществе, что на наших литературных собраниях было бы странно пропустить без внимания такое явление в современной литературе. Поэтому я решился сказать об этой повести несколько слов, которые выразят мои личные впечатления и тех людей, с которыми мне приходилось толковать по поводу ее¹. Впрочем я должен сказать, что от очень немногих пришлось мне позаимствоваться для составления определенного взгляда на эту повесть, большею же частью приходилось выслушивать мнения, не имевшие для меня никакой ценности, потому что они рассматривали дело с совершенно другой точки зрения, чем я; они не замечали тех сторон, которые особенно привлекали мое критическое внимание. Именно — они смотрели на повесть с точки зрения эстетической критики. Вполне признавая необходимость такой точки зрения, я смотрю на предмет с другой точки, именно — с точки зрения исторической и современной правды. Я сейчас докажу, почему эта точка зрения в приложении к новой повести Тургенева гораздо важнее первой. «Отцы и дети» представляют нам действие хронологически современное нам. Автор прямо пишет, что действие происходило в 1860 и 1861 гг.² Что может быть современнее этого? Уже одно это обстоятельство сильно затрагивает читателя. Известно, что Тургенев пользуется славой художника современного общества во всех его особенных проявлениях и во всех его сферах. Критики говорят, что он умеет подхватывать налету внутренние движения современной общественной жизни и раскрывать их смысл, указывать их происхождение и пророчить о их будущности. Я вполне признаю за Иваном Сергеевичем такую славу. Действительно, стоит припомнить «Рудина» и «Накануне», чтобы убедиться в этом.

В «Рудине» пред нами был обрисован интереснейший момент нашей общественной жизни, именно — жизнь московских кружков 40-х годов. Это полная содержания жизнь, которая, с одной стороны, дала нам фалангу сильных деятелей, имена которых войдут в историю, с другой стороны, самую силу и полноту своего внутреннего содержания подавила не столь сильные натуры и выродила их в Рудиных. Тургенев явился художником-историком этого интересного момента, и мы ему за то бесконечно благодарны.

В «Накануне» он изобразил добрые задатки проснувшегося после тридцатилетней спячки общества. Он поступил в этой повести в высокой степени добросовестно, когда заставил своего дельного героя только проживать в России, а силы свои прилагать вне ее. Инсаров — это эмиграция русской силы. Болгаром его можно и не считать: он болгар оттого, что в России за такую деятельность его давно бы посадили в Алексеевский равелин, а в крайнем случае его могло бы постигнуть еще большее несчастье: он провалился бы в цензурном чистилище, и мы не были бы с ним вовсе знакомы. Повторяю, Тургенев поступил в высшей степени добросовестно, назвав Инсарова болгаром и послав его работать в Болгарию. Всякий из читателей думал, что ему можно было бы найти работу и в России, да для автора было неудобно давать ему такое назначение. Русская молодежь была польщена Инсаровым: она увидела в нем свои связанные руки, свою скованную обручем голову, вдохнула по его свободе, по его жертве и стала мечтать, как бы не выпускать таких людей в Болгарию, а дать им дело в России. Тургенев понял зарождающуюся идею действий в нашей молодежи и дал легкий абрис деятеля. Все поняли, что он не мог пустить более густого колера, и не винили его за невозможное.

Теперь понятно, милостивые государи, почему, принимаясь за чтение новой повести Тургенева, а теперь принимаясь за оценку ее, я по преимуществу сосредоточивал и сосредоточиваю свое критическое внимание на исторической и современной правде действия, характера лиц и всей обстановки. Художественная правда уже достаточно гарантирована именем Тургенева.

Какую же сторону общественной жизни обрисовал Иван Сергеевич в новой своей повести? Одно название: «Отцы и дети» кинуло нас в море нетерпеливых ожиданий, в страстное желание предугадать содержание повести. Браво! — закричали мы: — Иван Сергеевич снова угадал, о чем надо было поговорить, действительно надо, потому что в последнее время отношения детей к отцам сделались самыми натянутыми, самыми тяжелыми. Несколько лет тому назад отцы сильно задевали нас, сыновей, они нападали на наше начинавшееся развитие, противоположное по характеру, чем их развитие. Но тогда все столкновения носили более мирный, теоретический характер. Мы были тогда страстно поглощены работой своего развития, и потому в наших стычках с отцами была заметна та же страстность, что отцам нашим было еще сносно: они утешали себя умозаключениями вроде: «Перемелется — мука будет», «Молодо-зелено»; а для охлаждения молодых порывов говорили: «Обуха плетью не перешибешь». Но в наше время характер этих отношений изменился: меньше страстности с нашей стороны и больше отчаянного ожесточения с другой. Перемена эта произошла оттого, что вышеказанные умозаключения оказались несостоятельными: перемололось, но не вышло такой муки, из которой отцы думали спечь сухари по образу и подобию своему. Разумеется, я говорю о большинстве отцов и большинстве из нас; может быть, что из ста случаев встретим два, где отношения выработались иные. Но эти исключения не рисуют всей картины. Они пропадают за одним общим мрачным фоном.

Вот первые мысли, которые возбудило во мне одно название новой повести Тургенева. Но, вместо подтверждения моего предположения, я испытал по прочтении повести полное разочарование, и не одно, а два-три. Но об них после. Посмотрим на тургеневских отцов и детей, именно на их взаимоотношения. Тут три отца, и ни один из них не напоминает нам те сотни, которые мы видели. Один только подходит несколько, но и тот не настоящий отец, а дядя. И я очень жалею, что он не настоящий отец — тогда бы он помирил меня с современною правдою: он представил бы нам настоящий образчик отеческих отношений к сыну, который встречается в настоящее время на каждом шагу. Посмотрите, с каким наслаждением бросается он на чужих сыновей, в которых чувствует совсем иную жизнь, чем прожита им. Представьте себе, как хорошо относился бы он к своему собственному сыну? Это был бы тип. Отчего же автор лишил нас наслаждения такою современною правдою и дал нам два образчика исключений? Может быть, он пожалел слишком растрогать нас?... По-моему, напрасное опасение: действительная жизнь дает нам ежечасно самые неутешительные спектакли, в которых разыгрываются отцово-сыновние сцены, значит нервы уже несколько попривыкли. А что вышло из такой исключительности для достоинства самой повести?

Вышло то, что она лишена современной правды в одной из главных сторон своих. По крайней мере, она не типична. Нет, не такие драмы выработывались по поводу столкновений отцов с детьми в наше время *. Я здесь, между присутствующими, вижу несколько человек, готовых сказать: да, это верно, мы в том поручимся ³. Те, на которых я намекаю, — люди с характером и развитием, не уступающим базаровскому, но они

* *Далее зачеркнуто:* Слишком сильно были натянуты струны, чтобы произвести такой слабый звук, который звучит во всей новой повести.

поэтому новая повесть Тургенева нас разочаровала: художник современных нравов, до сих пор верный действительности, на этот раз взял на свою кисть совсем другой краски: что-то ослепило ясность его зрения. Что же именно? Увы, господа, Иван Сергеевич тоже отец! т. е. в том смысле, в котором и дядя — отец. Он недоволен — чем? Современным молодым поколением. Вас, может быть, изумит такая мысль, или, еще скорее, вы спросите, чем же именно недоволен Иван Сергеевич в молодом поколении? Может быть, он недоволен его медлительностью в общем деле, его нерешительностью и т. п.? Конечно, с этой стороны есть чем быть недовольным. Но не этим недоволен Иван Сергеевич. Он сердится на нас за наш материализм. Это открытие чрезвычайно как осложняет критическую оценку его произведения, и оно же объясняет, почему в суждении об «Отцах и детях» слышится страшная разногласица. Одни считают Тургенева писателем чисто объективным и потому отвергают возможность существования в его новом произведении субъективных сторон. Другие, чистые эстетика, во все их не видят. Я постараюсь доказать свою мысль, разбирая внимательно характеры главных лиц и тон всей повести. Мне следует теперь говорить о сыновьях.

Сыновья только что окончили курс в университете в прошлом году ⁴, может быть, мы даже с ними были знакомы, потому что в последнее время порядочные люди во всех университетах более или менее знают друг друга. Во всяком случае, мы знаем, каким должен быть молодой человек, чтобы мы могли признать его порядочным. Но именно это-то обстоятельство и приводит нас в смущение. Каким образом автор избежал затруднений, представляющихся ему при изображении типа молодого порядочного человека?

Насколько мы знаем этот тип, мы думаем, что не совсем-то легко такое дело... В «Накануне» герой был препровожден в Болгарию, но теперь пора ему возвратиться в Россию: дома работа есть. Мы вообще думаем, что современного молодого человека нельзя выбирать еще в герои романа: глубокий анализ его действий подлежит более ведению III Отделения, нежели художника современного общества. Думаю, комментарии тут — лишнее дело, всякий и без них понимает, что я хочу сказать. Что же остается делать писателю? Одно из двух — или говорить об нем обиняками, или изображать его совсем в другом свете, против настоящего. И то и другое очевидно. Я думал сначала, что Тургенев выберет первый способ, и заранее сожалел о даром потраченном труде, никого не способном удовлетворить. Но ошибся. Действительно, ни одного намека на современную деятельность молодого поколения нельзя было найти. Он выбрал второй способ, т. е. представил нам несуществующий ныне тип или, если он и существует, то не как тип, но как отдельная личность, ни в каком случае не типичная, тем более не передовая.

Я возьму одного для анализа Базарова, так как другой герой очень незначителен, и сам автор относится к нему отчасти пренебрежительно. Базаров — сильный характер и сильный ум. Таким хочет изобразить его автор, но в то же время заставляет его употреблять свой характер на бесплодное взнуздывание самого себя в тех случаях, где того вовсе не требуется, и разнуздывания, где требовалось бы поболее воздержания. Он клеймит себя названием идеалиста, когда позволил себе увлечься прекрасной формой чего бы то ни было: картиною природы, изяществом женского существа, и в то же время позволяет себе целовать женщину (не давшую ему на то никакого права, женщину, которую он должен был уважать по силе своего умственного развития и понимания вещей). Сильный ум его доводит до отрицания очевидности и даже до названия горохового шута со стороны самого автора. Чем же объяснить такие противоречия?

«Дым», истребитель.

Грав. Фрейнд.

Роман начинается приездом индигиста к деревню Кирсановых. Аркадий Кирсанов бросается на объятия отцу. А Базаров саркастически улыбается, ибо радость при свидании отца со сыном, по мнению злого, для человека занимающегося естественными науками—неестественна.

Во время отъезда индигиста индигиста своего герца на несколько минут «благотворно» держит «за руку».

«Дым», истребитель.

Потом индигиста сунули на белую доску, которую индигиста держит.

Грав. Фрейнд.

Индигиста сунули на белую доску, которую индигиста держит. Другой индигиста сунули на белую доску, которую индигиста держит. Другой индигиста сунули на белую доску, которую индигиста держит. Другой индигиста сунули на белую доску, которую индигиста держит.

Легче всего было бы объяснить все это несовершенством личных качеств героя, его неразвитостью. Если бы так, то и дело было бы кончено: мало ли каких чудачков не выводит прихотливая фантазия автора. Но в том-то и беда, что причина здесь лежит в субъективном воззрении автора на сущность материализма. По его мнению, материализм — язва настоящего молодого поколения, и вот он представляет нам одного из таких страдальцев, покрытого язвами. Для возбуждения к нему полного сочувствия автор одарил страдальца крепкими от природы силами, как бы говоря: «Посмотрите, что делается с лучшими из вас, пораженными язвами материализма. Как искажает он вашу природу, как заставляет насильствовать самих себя, грязнить ваши уши, глаза, до того, что вы не понимаете ни искусств, ни поэзии, отравили и всю жизнь вашу, и даже по милости-то всё этого материального гниющего заражения. Фи!».

Вот та предпосланная идея, которая породила «Отцов и детей». Я уже сказал, что отношение отцов к детям не типично, и выразил предположение, что ясность зрения писателя чем-то ослеплена. Теперь ясна причина такого явления: автору нужно было представить в возможно лучшем, мягком свете отцов, чтобы контраст с сыновьями вышел резче. Он этого достиг с художественным искусством. В природе отцов царствует гармония, спокойствие, в действиях их более или менее видна целесообразность; напротив, в сыновьях царствует ералаш. Причина та же: отцы, хотя люди и отсталые, но не заражены, как сыновья, язвою материализма. Посмотрим теперь, в чем же она выражается, по мнению автора? В отрицании мира искусств и поэзии, в близоруком взгляде на природу человека, в стыдливости естественных движений внутренней жизни человеческого существа. Вы припомните себе сами разные случаи в жизни Базарова, к которым относятся такие дикости.

Можем ли мы теперь признать такие вещи атрибутами материализма и такого материалиста, как Базаров, за одного из нас? Очевидно — нет! Откуда же его взял автор? Положим, что он не понимает сущности материализма, что он считает его язвою и т. д., но где же он подметил такие черты? Очень просто! В каждом из нас, в известном периоде нашего развития. В 16 или 17 лет все мы были такие материалисты, как Базаров в 25 лет, вполне сформировавшийся и одержимый большими силами. То, что высказывает Базаров, как твердые материалистические убеждения, — тем самым мы фантили в лета нашей юной юности, фантили с замираньем сердца, потому что к этому фантовству примешивалась страстность борьбы, веденной нами со всем отжившим. Такое явление теперь уже реже встречается и, если в ком долго удерживается, то показывает некоторую неподатливость и тугодумство. Такую эпоху фантовства мы пережили в периоде от <18>55 по <18>57 год, пережили всю массу, поодиночке же ее переживали лучшие люди после <18>49-го вплоть до <18>55, когда большинство молодежи, задавленной гнетом, падало все ниже и ниже и было пробуждено только сильным голосом с Альбиона и общим позором родины ⁵.

Этот страстный период борьбы, не знавший никаких сделок, никаких уступок, продолжался не более двух лет и уступил место более положительному и спокойному взгляду на жизнь. Материализм был заметным фоном во всем этом периоде, и мы, надеюсь, не имеем права рассказываться в нем и в настоящее время, когда он, ясный и спокойный, лег в основание нашего мирозерцания.

Тургенев, по всему вероятно, наблюдал молодежь в этот бурный период. После <18>57 года он большею частью проживал за границею и поэтому не мог следить с необходимым вниманием за метаморфозами в нашей внутренней жизни. Воспитанный сам в противоположных началах идеализма, Тургенев был сильно поражен переворотом, совершившимся в

умах русской молодежи в после-севастопольский период. Он был неприятно поражен отсутствием видимой гармонии и отошел в сторону с грустными мыслями о язвенности материализма. По этим воспоминаниям он составил и тип Базарова.

Вся ошибка его в том, что Базаров — уже отошедший тип, а Тургенев его представил живым. Признавая в молодежи силу, энергию и ум, проникнутый убеждением во вреде материализма, Тургенев впал в бездну логических и художественных даже ошибок, рисуя Базарова.

I. TOURGUÉNEFF

*81. Avenue Mozart
Paris (16e)*

*Cous les Samedis
de 3 à 7 heures*

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ТУРГЕНЕВА

Париж, 1850-е годы (?)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В сохранившихся письмах Тургенева этот его парижский адрес не упоминается

Я уже говорил о них, о противоречии в характере, в уме и бессмыслии. Тургенев выделил страстность как историческую черту материализации убеждений молодежи и оставил за Базаровым одно умничание, отчего он и вышел призраком, а не живым человеком. Автор до того увлекся своим негодованием на материальное направление, что сам несколько раз прорывался, как говорят. Припомните себе его отсылки о девятом издании пресловутого Бюхнера. Спокойный человек так не выражается⁶. Под конец, желая доказать, что и общественные отношения материалиста к низшим братьям терпят в своей человечности, он заставил Базарова глумиться над мужиком, и потом от себя прибавил, что его мужики называли гороховым шутом, между тем как в начале статьи (!) говорил, что дворовые и крестьяне любили Базарова за простоту и охотно с ним толковали. Как объяснить такую путаницу, как не ослеплением автора и желанием так или иначе кольнуть материалистов?

Какой же общий вывод <из> всего сказанного? Вот он: главное лицо повести — призрак или миф. Я отрицаю типичность его и современную правду. От ложности основного характера и весь колорит ее страдает и стонет. Может быть, необходимо сказать несколько слов об остальных лицах и сценах. Но я сомневаюсь в этой необходимости тем более, что мне пришлось бы выступить на почву эстетической критики, на которой я не чувствую себя достаточно сильным, чтобы сообщить интерес своим выводам.

Еще одна личность стояла бы тщательной обработки, это эмансипированная N.N. Но, опасаясь прослыть за рыцаря, я сдерживаю себя, в надежде, что найдутся из присутствующих членов более меня способные выполнить такую задачу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ С кем именно беседовал Рымаренко в ходе подготовки своей лекции, не удалось точно установить. Известно только, что о ней знал П. В. Павлов (ЦГАОР, ф. 112-И, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. III, л. 58). Вероятно, главными советчиками Рымаренко были Н. А. Серно-Соловьевич и А. А. Слепцов. Это видно, в частности, из совпадения образа положительного героя, нарисованного им в лекции, с характеристикой настоящего революционера, данной в известном «Ответе „Великоруссу“» — документе, составленном Н. А. Серно-Соловьевичем в согласии с А. А. Слепцовым и другими сторонниками Чернышевского («Ответ „Великоруссу“» был опубликован в «Колоколе», 1861, л. 107, 15 ноября).

² Здесь Рымаренко ошибается: действие романа происходит в 1859 г.

³ Имена лиц, присутствовавших на лекции, остаются невыясненными.

⁴ Неточность: в романе Аркадий приезжает в деревню в мае 1859 г. сразу после окончания университета; о Базарове Аркадий говорит, что он «в будущем году», т. е. в 1860 г., «хочет держать на доктора» (гл. II).

⁵ Рымаренко намекает на то огромное влияние, которое оказали на пробуждение политической сознательности у передовых людей 60-х годов, особенно среди прогрессивной молодежи, революционная проповедь «Колокола» и распространение в тех же кругах острокритического отношения к самодержавию и крепостничеству после поражения царизма в Крымской войне. С сочинениями Герцена и с «Колоколом» Рымаренко начал знакомиться с 1856 г. через В. О. Португалова и П. В. Завадского; в последующие годы Рымаренко получал их довольно регулярно. Одновременно он и его товарищи испытали на себе сильнейшее идейное воздействие «Современника», особенно статей Чернышевского и Добролюбова. «Современник» с 1855 г. по коллективной подписке выписывали члены Харьковско-Киевского тайного общества, руководимого Я. Н. Бекманом, П. В. Завадским, М. Д. Муравским. Обсуждение статей из «Колокола» и «Современника», анализ событий и отношений современной жизни — вот что было главным источником формирования политических взглядов в среде демократической молодежи 60-х годов.

⁶ Рымаренко напоминает о разговоре Николая Петровича и Павла Петровича по поводу рекомендуемой Аркадием отцу книги Бюхнера «Stoff und Kraft» («Материя и сила», гл. X). Заметим, что сам Рымаренко, будучи сторонником материализма Герцена и Чернышевского, критически относился к вульгарному материализму Бюхнера, Фогта и Мошешотта.